

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СВЯЗИ ПОНЯТИЙ «МОНГОЛЫ» И «ТАТАРЫ» В МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

DOI: 10.25629/НС.2019.06.03

Нестерова Е.Р.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва

Аннотация. Статья посвящена взглядам современных и средневековых историков на вопрос наименования народа Чингис-хана. Помимо двойного названия «татаро-монголы», рассматриваются понятия «белые татары», «черные татары». Анализируются причины возникновения каждого такого названия, различные трактовки, предлагаемые авторами источников и современными исследователями. В работе использовались китайские, монгольские и персидские источники, а также книги отечественных и зарубежных востоковедов.

Ключевые слова: монголы, татары, черные татары, Китай, Чингис-хан, Рашид ад-Дин, Чжао Хун, Пэн Дая, Сюй Тин.

Введение

Одним из наиболее масштабных событий мировой истории XIII в. является возникновение Монгольской империи, которая на несколько поколений объединила под своей властью огромные территории от Тихого океана до Черного моря. Быстрое возвышение и военные успехи сделали монголов объектом всестороннего изучения для историков всего мира. В этой связи интересной и до сих пор не решенной в науке проблемой является установление правильного наименования народа завоевателей. В источниках, исследовательской литературе и даже в повседневной жизни приходится сталкиваться сразу с несколькими этнонимами: «монголы», «татары», «монголо-татары», «татаро-монголы». Дискуссиям на эту тему, имеющимся в отечественной и зарубежной историографии, и будет посвящена данная статья.

Исторические источники о проблеме наименования народа Чингис-хана

Прежде, чем переходить к точкам зрения историков, необходимо выяснить, какую информацию предоставляют на это счет исторические источники. Из текстов, освещающих события становления Монгольской империи, наибольший интерес для нас представляют три: китайские сочинения XIII в. «Мэн-да бэй-лу» (蒙鞑備錄 – Полное описание монголо-татар) [17] и «Хэй-да ши-люе» (黑鞑事略 – Краткие записки о черных татарах) [29], и составленное в XIV в. Рашид ад-Дином на персидском языке сочинение «Джами ат-таварих» (Сборник летописей) [20, 21].

Чжао Хун (趙珙), автор «Мэн-да бэй-лу», первого иностранного описания монголов Чингис-хана, вынес в заглавие своей работы название *мэн-да* (蒙鞑), «монголо-татары». Таким образом, он подчеркнул, что будет писать об обоих этносах. При этом далее говорится, что «монголы истреблены и исчезли», а «нынешние татары очень примитивны и дики и не имеют никакой системы управления» [17, с. 50]. Этим пассажем Чжао Хун стремился подчеркнуть, что прежние монголы и татары не идентичны тому народу, которым управлял Чингис-хан. Что вполне логично, учитывая, что к моменту написания «Мэн-да бэй-лу» в 1221 г. Чингис уже захватил всю степь и подчинил себе местные кочевые племена, объединив их под своей властью и начав, может быть, не вполне осознанно, процесс интеграции путем смешения отдельных родов, о чем говорится в «Юань-чао би-ши» (Тайная история монголов) [24, с. 152].

Чжао Хун назвал народ Чингис-хана «черными татарами» [17, с. 48]. Помимо черных, автор выделил белых и диких татар, – новая градация, прежде в китайской историографии не встречавшаяся. Дикие татары появились в китайских текстах с XI в. – сначала в сочинении «У-дай ши-цзи» 五化史记 (Исторические записки о пяти династиях) [17, с. 46], затем в записках

Ли Синьчуаня 李心傳, который разделил татар на «культурных» (熟 *shú*, досл. «спелых») и «диких» (生 *shēng*, досл. «сырых»), которые, в свою очередь, делились на белых и черных [28, с. 60]. При этом «культурные» жили недалеко от границ с Китаем, занимались земледелием и были знакомы с некоторыми достижениями китайской цивилизации, а «дикие» жили далеко, добывали пропитание охотой, не знали железа, утвари, доспехов и использовали костяные наконечники для стрел [28, с. 52–53]. К черным татарам автор относил Темучжина (будущего Чингис-хана) [28, с. 60]. Разделение на монголов и татар у Ли Синьчуана отсутствует.

Что же касается схемы Чжао Хуна, она заключалась в следующем: белые татары, близкие соседи китайцев, испытывали на себе сильное культурное влияние Китая, научились сеять просо, глубоко почитали родителей и в случае их кончины изрезывали себе лица [17, с. 45–46]. Дикие татары «весьма бедны да ещё примитивны и не обладают никакими способностями ... только и знают, что скакать на лошадях» [17, с. 48]. О черных татарах в целом Чжао Хун сообщает немного: только то, что к ним принадлежит Чингис-хан, его полководцы, министры и сановники [17, с. 48], но, очевидно, что эта группа татар как раз пребывала в промежуточном состоянии между белыми и дикими, уже получив некоторый доступ к достижениям китайской цивилизации, но еще не успев утратить воинственный пыл, свойственный кочевникам. Впрочем, именно к черным татарам следует отнести все сведения о быте, традициях и занятиях, которые Чжао Хун собрал в своих записях.

Второй источник, «Хэй-да ши-люе» (黑鞑事略 – «Краткие записки о черных татарах»), из какового названия следует, что его авторы, Пэн Дая (彭大雅) и Сюй Тин (徐靈), называют монголов Чингис-хана татарами («да-да» – 鞑靼). Например, один из сподвижников Угэдэя, Ань-джи-дай (Элчжидай, либо Эльчжигидэй [24, с. 171]), или военачальник Чингиса, Мухали, названы «черными татарами» [17, с. 21, 50]. То есть точка зрения Пэн Дая и Сюй Тина совпадает с точкой зрения Чжао Хуна. Следовательно, это общая тенденция в китайской историографии XIII в.

Обратимся к авторам не китайского происхождения. Из всех арабо- и персоязычных сочинений вопросом наименования заинтересовался только Рашид ад-Дин. В своем «Сборнике летописей» он не упоминает разделения татар на черных, белых и диких, что вполне логично, учитывая местную специфику, однако его весьма занимает соотношение названий «монголы» и «татары» [20, с. 77–78], из чего следует, что уже в начале XIV в. парадокс этой двойственности осознавался, а ученые мужи искали ему обоснование.

Если говорить о предыстории вопроса, то этнические татары изначально были отдельным народом. В VIII в. они находились под властью тюркского каганата, затем – уйгурского ханства, а в середине IX в. откочевали к западным границам Китая, после чего начали торговать с Китаем и иногда присылать ко двору послов с дарами [8, с. 158–160]. Рашид ад-Дин писал, что «при всей вражде и раздоре, кои царили в их (татар – *Е.Н.*) среде, – они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части монгольских племен и областей, выдаваясь своим величием, могуществом и полным почетом от других» [21, с. 102]. При этом он отмечал, что «различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что себя относили к ним (татарам – *Е.Н.*) и стали известны под их именем, вроде того, как в настоящее время, вследствие благоденствия Чингис-хана и его рода, все они (различные племена – *Е.Н.*) из-за самовосхваления называют себя тоже монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени» [21, с. 102]. Таким образом, Рашид ад-Дин предположил, что могло иметь место умышленное заимствование с целью вхождения в ореол славы. Версию Рашид ад-Дина приняли некоторые современные исследователи, например, С.Г. Кляшторный [11] и Н.Н. Крадин [12].

Отношения монголов с собственно татарами трудно назвать мирными. Некогда татары погубили хана Амбагая, управлявшего конгломератом монгольских племен [24, с. 84]. Согласно преданию, Амбагай провожал свою дочь замуж в одно из татарских племен, но по дороге был захвачен воинами из другого татарского племени, которые передали его в руки чжурчжэней, а

те казнили монгольского хана. Впрочем, перед смертью Амбагай завещал своим потомкам отомстить за вероломство [24, с. 84]. Еще одним преступлением татар против монголов стало убийство Есугея, отца Темучжина, которого они отравили на своем празднике, в нарушение законов гостеприимства [24, с. 87]. Рашид ад-Дин на обстоятельствах смерти Есугея внимания не заострял, однако подчеркивал его несомненную вражду с татарами [21, с. 75].

В «Юань-чао би-ши» понятие *монголы* впервые встречается в эпизоде, посвященном Хабулхану и Амбагай-хану. О них сказано, что они «ведали всеми монголами» [24, с. 84]. Это утверждение тем более важно, что исходит из первых уст. Далее, в эпизоде объединенного похода Чингиса и Джамухи, последний укорял Чингиса за опоздание словами: «Разве отличается чем от клятвы монгольское да» [24, с. 102]. То есть можно сделать вывод, что «монголы» было общепринятым и осознанным самоназванием, по крайней мере, для двух родов: *кыят-борджигин*, к которому принадлежал Чингис, и *чжадаран*, к которому принадлежал Джамуха [24, с. 83].

Интересное наблюдение можно сделать, если заглянуть в перевод «Юань-чао би-ши», подготовленный о. Палладием (Кафаровым): там в вышеназванных сценах стоит слово *татары* [25, с. 32, 54]. Причина тому – текст первоисточника. О. Палладий готовил свой перевод на основании китайской версии текста сочинения [22, с. 176]. И это служит еще одним подтверждением, что для китайцев того времени все монгольские племена обозначались этнонимом *дада*. Впрочем, следует отметить, что в другом переводе о. Палладия, относящемся к XIII в., – «Записки Чжан Дэоя» – монголы упоминаются исключительно под именем монголов [19, с. 582, 584, 585]. То ли Чжан Дэхой более точно записал этноним тех, к кому ездил с дипломатической миссией, о которой в его заметках ни слова, то ли это исправление о. Палладия. К сожалению, в своих комментариях переводчик на этот счет никаких объяснений не оставил.

Что касается дальнейшей судьбы непосредственно татарского племени, то после нескольких сражений Чингис-хан одержал над ним окончательную победу и, в память о том, что «татарское племя – это исконные губители дедов и отцов наших», приказал перебить всех, кто ростом выше тележной чеки [24, с. 123]. На этом история татар закончилась. Дальше вершить судьбы степи предстояло исключительно монголам.

Необходимо отметить, что сам термин «монголы» не имеет однозначной этнической принадлежности, поскольку к моменту начала Чингис-ханом своих завоеваний монголы одновременно населяли два отдаленных друг от друга региона: территорию современной Монголии и северо-западное пограничье Китая.

В верховья рек Онона и Керулена (регион Трехречья) монголы переселились из северо-западной Маньчжурии [14, с. 174]. По мнению Е.И. Кычанова, это произошло примерно в начале X в. [14, с. 177]. О наличии двух государств упоминается в сочинении Ли Синьчуаня: «Существовало еще какое-то монгольское государство. Оно находилось к северо-востоку от чжурчжэней. При Тан его называли племенем *мэн-у*. Цзиньцы называли его *мэн-у*, а также называли его *мэн-гу* ... Теперь татары называют себя Великим монгольским государством, и поэтому пограничные чиновники именуют их *мэн-да*. Но эти два государства отстоят друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли. Неизвестно, почему они объединены под одним именем» [28, с. 56]. Несколько далее Ли Синьчуань писал также о том, что двойное название «монголо-татары» идет, вероятно, от тех времен, когда у империи Цзинь на северо-востоке было учреждено управление по привлечению и подавлению монголов, а на юго-западе – татар [28, с. 59]. То есть выдвигает свою гипотезу, согласно которой двойственность идет не от желания приобщиться к былой славе, а просто от сходства принятых в канцелярии названий.

Основываясь на сочинениях Рашид ад-Дина и истории династии Вэй, В.С. Таскин писал, что древние монгольские племена появились в центральноазиатских степях еще в I в. [26, с. 45]. Первичный регион расселения монголов он локализует у истоков Амура, и это совпадает с сообщением Ли Синьчуаня о проживании монголов к северо-востоку от империи Цзинь. Похожей точки зрения придерживается и М. Бурган, писавший в своей книге «Империя монголов», что монголы – переселенцы из Сибири [1, с. 22]. Таким образом, мы видим, что вопрос

о том, кого называть монголами, кого татарами, и как они между собой соотносятся, занимал историографов уже в XII–XIII вв.

По мнению современных отечественных востоковедов Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой, изначально население т.н. Великой Монголии именовалось китайцами «татары», потому это название и закрепилось за перекочевавшими туда позднее монголами [12, с. 149]. Ведь одновременно на политическом горизонте Китая оставались и монголы северо-востока, которые были известны в Поднебесной именно как монголы. И поэтому, чтобы различать два народа, китайцы стали называть ближайших соседей татарами, а северных кочевников – монголами.

Точки зрения в историографии

Вопрос о соотношении понятий «монголы» и «татары» занимал многих исследователей на протяжении всей истории изучения Монгольской империи. В хронологическом порядке первым следует упомянуть Н.Я. Бичурина. Его заметка «Разрешение вопроса: кто таковы были татары XIII в.», опубликованная в 1828 г. в составе его «Записок о Монголии», впервые подняла вопрос о взаимосвязи «монголов» и «татар». Он писал, что и монголы, и татары были разными ответвлениями от народа *татань* [7, с. 172]. В европейское пространство завоеватели вошли под именем татар, поскольку так по случайному созвучию называли их на Руси [7, с. 172]. Но, автор специально это подчеркивает, монголы и татары, а также татары и *татань* – это не одно и то же [7, с. 174].

Еще подробнее этот вопрос рассматривался в другой его статье: «Кто таковы были монголы» [6, с. 85–92]. Там о. Иоакинф отметил, что между исследователями по вопросу о том, кого же на самом деле следует считать монголами, царят разногласия, поскольку «монгольский народ искони получал народное название от владетельного дома, а западные ориенталисты, напротив, ошибочно принимая каждый владетельный монгольский дом за собственный народ ... из единоплеменных владетельных домов составили несколько разноплеменных народов» [6, с. 85]. Н.Я. Бичурин считал необходимым отметить общность происхождения многих кочевников на северных границах Китая, начиная от *хунну* и заканчивая *киданями*. При этом, по его наблюдениям, их названия – названия правящих домов, и все они относятся к монгольскому народу [6, с. 86], а правящий дом монголов находился «в числе родов, первоначально составлявших Татаньский аймань» [6, с. 89], и дал ему впоследствии своё имя. То есть о. Иоакинф предложил вместо татар или монголов другой общий этноним – *татань* (塔坦), который до воцарения Хубилая и провозглашения Юаньской империи мог использоваться и как название страны [7, с. 172].

Следующим автором, писавшим на эту тему, был выдающийся российский и советский востоковед В.В. Бартольд. И хотя он не занимался проблемой наименования специально, однако в его работах есть упоминание того, что монголы сами себя называли татарами [5, с. 255]. Скорее всего, автор опирался на сведения из «Мэн-да бэй-лу»: там сказано, что в беседе с китайскими послами наместник Чингиса в Северном Китае Мухали называл себя «мы, татары» [17, с. 53] («да-да» – 鞑鞑). Однако Н.Ц. Мункуев в своих комментариях к переводу этого памятника обоснованно трактовал указанную формулировку не как реальное отождествление себя с татарским племенем, а как использование в общении с китайскими посланцами названия, принятого в Китае для всех монгольских племен [17, с. 135]. Более того, Н.Ц. Мункуев сделал справедливое наблюдение, что в монгольском тексте «Тайной истории» монголы к себе название «татары» и вовсе не применяют [17, с. 53]. Так что данное утверждение В.В. Бартольда сегодня представляется ошибочным, поскольку не упомянуть собственное самоназвание неизвестные монгольские авторы «Тайной истории» едва ли могли. Что касается мотивов принятия Чингисом для своего народа официального наименования «монголы», учитывая, что под его властью находился целый конгломерат племен, то здесь В.В. Бартольд выдвинул идеи преемственности. По его мнению, таким образом Чингис стремился добавить своему возвышению легитимности, проведя параллель с Хабул-ханом и Хутулой-ханом [4, с. 447], память о которых глубоко чтится всеми без исключения монгольскими родами.

Н.Ц. Мункуев уделил вопросу наименований особое внимание. В его статье «Заметки о древних монголах» [16, с. 377–408] подчеркивалось, что этнонимы *монголы* и *татары* «охотно принимались как самоназвания каждый в свое время различными монгольскими и иногда даже немонгольскими племенами, ввиду господствующего положения татар и монголов» [16, с. 402, прим. 7]. То есть автор разделял точку зрения, высказанную некогда Рашид ад-Дином.

Кое-что по этому поводу писали и этнологи. Л.Л. Викторова в своей монографии «Монголы. Происхождение народа и истоки культуры» [8], помимо изучения общемонгольского этногенеза, задалась вопросом о разграничения монголов, татар и других племен, обитавших в то время в Степи, по территориальному признаку, учитывая, что монголы населяли два ареала. Особо автор подчеркнула, что в эпоху Сун «татарами называли все некитайское население центральноазиатских степей, независимо от этнической принадлежности» [8, с. 163].

И. де Рахевильц посвятил вопросу специальную статью «Наименование монголов в Азии и Европе: переосмысление» [3, с. 199–210]. В ней автор не только проанализировал причины перехода этнонима «татары» на монголов по причине их возвышения в Степи и вытеснения татар из занимаемой ими ниши гегемонов региона [3, с. 203–205]. Он пошел еще дальше и задался вопросом, почему же европейцы стали называть монголов *татарами*. По его мнению, причина этого в созвучии *татар* с Тартаром, который, как и завоеватели, ассоциировался у европейцев с дьяволом и преисподней [3, с. 205]. Схожую трактовку европейского названия монголов татарами предложил и Р. Хаутала. По его наблюдениям, монголы именовются *татарами* в европейских сочинениях XIII в. с однозначной отсылкой к Тартару [27, с. 21, прим. 2; с. 126, прим. 5].

Из современных авторов вопрос о различиях между этнонимами *монголы* и *татары* заинтересовал Р.П. Храпачевский [28]. Изучая проблему, он обратился к текстам династий Южная Сун, Ляо и Цзинь [28, с. 104–273], и на основании этих материалов попытался внести ясность в отделение «монголов» от «татар». Согласно его наблюдениям, отождествление монголов и татар пошло от канцелярской практики китайских чиновников, которые обобщали данные по кочевникам, что на фоне создания конфедерации татар к XII в. привело к слиянию различных прежде понятий [28, с. 34]. Более того, термином *мэн-да*, то есть монголо-татары, китайцы, по наблюдениям Р.П. Храпачевского, называли практически все крупные племенные союзы, возникавшие в степи и тревожившие китайские границы вплоть до создания империи Чингис-хана [28, с. 38].

Дискуссия о цветовой символике

Помимо проблемы связи понятий *монголы* и *татары*, немалый интерес историков вызывает поднимаемый китайскими источниками вопрос распределения «белых» и «черных» татар. В связи с этим рассмотрим некоторые исследования, в которых эта тема освещалась.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на смысл, который монголы и китайцы вкладывали в цветовую символику. Хотя в источниках нет сведений о том, что монголы Чингис-хана называли себя именно *черными* татарами, но логично допустить, что они знали свое китайское наименование. Ведь обмен посольствами шел достаточно активный. Так что монгольская сторона здесь представляет не меньший интерес.

Вопросами цветовой символики занимались этнологи и искусствоведы. Н.Л. Жуковская в своей книге «Кочевники Монголии» [10] привела целый ряд доказательств того, что белый цвет монголами очень почитался. В частности, на белом войлоке поднимали великого хана во время избрания; особое, сакральное значение имело молоко и молочная пища; высоко ценились белые животные [10, с. 201–202]. В источниках упоминается, что мать Чингиса, всеми уважаемая Оэлун, ездила в повозке, запряженной белым верблюдом [24, с. 176]. Завоеванные племена посылали Чингису в знак покорности белых коней, соколов и кречетов [24, с. 174–175]. Кроме того, в монгольской геосимволике белый цвет олицетворял запад [10, с. 203].

По мнению другого этнолога, Л.Л. Викторовой, деление на «белых», «черных» и «диких», вероятнее всего, осуществлялось и вовсе не по этническому принципу, а по уровню хозяйственно-культурного развития: «белые» – земледельцы, «черные» – скотоводы-кочевники, «дикие» – охотники [8, с. 163]. К большому сожалению, аргументы в пользу такой концепции и обоснование выбора китайцами именно такой терминологии, она не привела.

Черный цвет у монголов, как и у большинства других народов, рассматривался как антагонист белому. Он символизировал бедность, злость, жестокость [8, с. 163]. Однако имелось и положительное значение: черное знамя Чингисидов воплощало грозную, карающую силу, в то время как белое олицетворяло победу [23, с. 87]. Учитывая контакты между монголами и Китаем, с каждым годом становившиеся все более тесными, для китайских авторов было логично обратить внимание на монгольскую трактовку цвета.

Китайская цветовая символика намного сложнее. Об этом много писала специалист по китайскому искусству М.Е. Кравцова. Черный и белый входят в набор основных, «чистых» цветов, так же, как и у монголов. Однако перечень значения этих цветов значительно шире. У китайцев черный обозначал север, а белый – запад [13, с. 319], и это совпадает с монгольской традицией, давая основание предполагать общие корни такого восприятия. Черный – цвет разорения, опустошения, а белый – цвет чистоты, согласия и траура [9, с. 58]. Ю.М. Иляхин также предложил свою трактовку цветовых значений, основанную на принципах организации пекинской оперы. Учитывая, что эти принципы уходят корнями в более древние времена, их также не следует сбрасывать со счетов. Согласно этим традициям, белый – цвет почтенной старости, а черный – цвет силы [9, с. 771]. Белый цвет грима означал коварство и вероломство, а черный – непреклонность и бескорыстие [9, с. 773].

Последняя характеристика с некоторой натяжкой может быть приложена к рассматриваемому случаю, поскольку китайские авторы неоднократно отмечали непреклонность и бескорыстие монголов Чингиса и объясняли это отсутствием у них советников, которые со временем всё могут испортить [17, с. 79]. Белые же татары общались с китайцами дольше и уже могли быть приучены к интригам и обману. Впрочем, это исключительно наша гипотеза, основанная на цветовых трактовках [18, с. 16]. Подвести под нее дополнительную доказательную базу из источников пока не представляется возможным. Если же опереться на географическое толкование, то монголы Чингис-хана в самом деле обитали к северу от Китая и потому китайцы могли, основываясь на географическом значении цветов, назвать их черными. Однако *онгуты* жили не настолько западнее, чтобы получить прозвание белых.

Специальную статью посвятил вопросам значения цветов в мировосприятии монголов и китайцев О. Притсак [2, с. 374–382.]. Основной темой его исследования стало пространственное ориентирование в среде кочевников вообще и монголов в частности. Среди прочих принципов, его внимание привлекли и цветовые, так что в фокус изучения попала связь цвета и стороны света, вернее, крыла – единицы армейской структуры [2, с. 379–381]. По его мнению, белыми татарами называли *онгутов*, в то время как черные татары – это и есть настоящие монголы [2, с. 378]. И в этом он солидарен с такими авторами, как Р.П. Храпачевский [28, с. 37, 96, прим. 28], и Н.Ц. Мункуев [17, с. 93], и о. Палладий [25, с. 170–171].

Выводы

Исходя из всего вышеизложенного, следует признать, что на сегодняшний день историки не пришли к единому мнению относительно причин, по которым народы, объединенные под владычеством Чингис-хана, стали называть себя монголами, именовались в Китае черными татарами или монголо-татарами, и стали широко известны на мировой арене под именем татар. Имеется целый ряд предположений, ни одно из которых пока не получило всеобщего признания. Среди них – стремление китайских историографов называть новых обитателей приграничных регионов привычными именами, исходя из традиции; стремление монголов на ранних этапах создания империи приобщиться к предшествующей славе могущественного татарского племени путем заимствования названия; классификация монгольских племен по принципам китайской или монгольской геосимволики; аллегоричное обозначение уровня культурного развития и личностных характеристик согласно китайской цветовой символике.

Литература

1. Burgan M. Empire of the Mongols. NY., 2009;
2. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenezeichnungen in den altaischen Völkennamen // Saeculum. 5 (1954). P. 376–383;

3. Rachewiltz I. de The Name of the Mongols in Asia and Europe: a Reappraisal // Etudes mongoles et siberiennes. 1996. Vol. 27. P. 199–210;
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963;
5. Бартольд В.В. Образование империи Чингис-хана // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 253–265;
6. Бичурин Н.Я. Кто таковы были монголы // Москвитянин. 1850. № 24. Кн. 2. С. 85–92;
7. Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Самара, 2010;
8. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980;
9. Духовная культура Китая. Т. 6. Искусство. М., 2010;
10. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура, традиции, символики. М., 2002;
11. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Азии. СПб., 2005;
12. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006;
13. Кравцова М.Е. История искусства Китая. М., 2004;
14. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997;
15. Мункуев Н.Ц. Основные китайские источники по истории Монголии // Современная историография стран Зарубежного востока / Отв. ред. Б.Н. Занегин. М., 1963;
16. Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1977. С. 377–408;
17. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) // Пер., введ. и ком. Н.Ц. Мункуева [Памятники письменности Востока. Т. 26]. М., 1975;
18. Нестерова Е.Р. Монголы, татары, черные татары – кто есть кто в истории монгольских завоеваний // Хэй-да ши-люе. Источник по истории монголов XIII в. М., 2016. С. 7–19;
19. Путевые заметки китайца Чжан Дэхоя во время путешествия его в Монголии в первой половине XIII столетия / Пер., ком. П.И. Кафарова [Записки Сибирского отдела императорского Русского географического общества]. 1867. Т. 9–10. Вып. 11. С. 582–591;
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: Т. 1. Пер. Л.А. Хетагурова, ред. и прим. А.А. Семенова. Кн. 1. М.–Л., 1952;
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей: Т. 1. Пер. Л.А. Хетагурова, ред. и прим. А.А. Семенова. Кн. 2. М.–Л., 1952;
22. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977;
23. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013;
24. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. / Введ., пер., словари С.А. Козина Т. 1. Л., 1941;
25. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане / Пер. П.И. Кафарова. [Труды Русской Духовной миссии в Пекине. Т. 4]. СПб., 1866;
26. Таскин В.С. Китайские источники о древних тюркских и монгольских племенах // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. Материалы конференции. Ч. 2. М., 1979. С. 34–49;
27. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских текстов о монголах. Казань, 2015;
28. Храпачевский Р.П. «Татары», «монголы» и «монголо-татары» IX–XII веков по китайским источникам. М., 2015;
29. Хэй-да ши-люе. Источник по истории монголов XIII в. / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев, пер. под ред. Е.Р. Нестеровой. М., 2016.

Нестерова Елена Ростиславовна. SPIN: 2484-3236. E-mail: nesterowa-elena@yandex.ru

Дата поступления 08.05.2019

Дата принятия к публикации 10.06.2019

**SOME REFLECTIONS ABOUT THE CONNECTION OF THE NOTIONS "MONGOLES"
AND "TATARS" IN WORLD HISTORIOGRAPHY**

DOI: 10.25629/HC.2019.06.03

Nesterova E.R.

Moscow State University Lomonosov. Russia Moscow

Abstract. The article is devoted to the views of modern and medieval historians on the question of the name of the people of Genghis Khan. In addition to the double name “Tatar-Mongols”, the concepts of “White Tatars”, “Black Tatars” are considered. The reasons for the occurrence of each such name, the various interpretations offered by the authors of the sources and modern researchers are analyzed. The work used Chinese, Mongolian and Persian sources, as well as books of domestic and foreign Orientalists.

Keywords: Mongols, Tatars, Black Tatars, China, Genghis Khan, Rashid ad-Din, Chao Hung, P'eng Taya, Hsü T'ing.

Nesterova Elena Rostislavovna. SPIN: 2484-3236. E-mail: nesterowa-elena@yandex.ru

Date of receipt 08.05.2019

Date of acceptance 10.06.2019